

для женщины, рожаящей в продолжение 10, 15 лет, бывает период, в котором она подавлена трудом. Она носит или кормит; старших надо учить, одевать, кормить, болезни, воспитание, муж и вместе с тем темперамент, который должен действовать, ибо она должна рожать. В этом периоде женщина бывает, как в тумане напряжения, она должна выказать упругость энергии непостижимую, если бы мы не видали ее (...) В этом-то периоде представьте себе женщину, подлежащую искушениям всей толпы неженатых кобелей, у которых нет магдалин...»⁸

Обратил внимание на статью «Женский вопрос» и постоянный читатель сочинений Страхова, журнальный коллега Достоевский. Через шесть лет книгу Милля (и, разумеется, яркую статью Страхова) вспомнит герой повести «Кроткая», которая невольно в нашем сознании рифмуется с «Крейцеровой сонатой».

Достоевский в толстовском письме-прологе к эпистолярному диалогу со Страховым не упомянут, но он, так сказать, незримо присутствует, а по мере развертывания переписки начнет периодически мелькать. Долгое время в письмах Страхова преимущественно как будто случайная и не очень обязательная информация: мелочи литературно-журнальной жизни, отчасти факты, отчасти сплетни, до которых, надо сказать, Страхов был охоч.

Это естественно: с Достоевским Страхова связывали давние приятельские и литературные отношения, хотя они то и дело осложнялись и портились — вот и в середине 70-х годов произойдет очередное охлаждение, вызванное публикацией Достоевским романа «Подросток» в «Отечественных записках», что было воспринято Страховым и Майковым как измена. Толстого это, однако, никоим образом не касалось: он был далек от журнальных партий и баталий, не сочувствовал направлению как радикальных «Отечественных записок», так и почвеннической, консервативной «Зари» (другое дело, что фактический редактор журнала Страхов чрезвычайно хлопотал об участии в «Заре» Достоевского и Толстого, в чем и преуспел), а роман Достоевского ему положительно не нравился.

В 1873 году Достоевский стал редактором еженедельника «Гражданин», о чем, как о самой важной новости, которая, несомненно, коснется его, с некоторой тревогой пишет Страхов Толстому: «Достоевский стал редактором *Гражданина*. Живо воображаю, как в нем разгорелась страсть журналиста, и не знаю, не пожалеть ли об этом. А впрочем, человеку не нужно мешать делать, что он любит делать. Одна беда: он меня теперь запряжет; от него ничем не отговориться, и у меня в перспективе — работать всякие статейки для *Гражданина*».⁹ Очевидно, что связующие их узы еще прочны; их не то что порвать, даже ослабить трудно — своего рода кабальный договор. Страхова иногда тяготит эта зависимость, эти «приятельские» долги. Он жалуется Толстому: «Достоевским я очень недоволен: он стареет видимо с каждым днем. *Гражданин*, в котором он редакторствует, очень его волнует, тревожит, раздражает. Пишет он вещи не глупые, но странные, недоконченные, неясные; сам это чувствует и не может вырваться из положения, в которое себя поставил».¹⁰ Постепенно недовольство усиливается, хотя литературная работа, по которой Страхов соскучился, и увлекает: «...никогда еще не чувствовал я такого отвращения к своим статьям, как то, которое во мне возбудили мои статейки для *Гражданина*; или уж так противно показалось мне выступать на арену журналистики: но во всяком случае я представился себе

⁸ Там же. С. 2—3.

⁹ Там же. С. 94.

¹⁰ Там же. С. 98.